

Правовые и политические аспекты управления Legal and political aspects of public administration

Ромашкина А.Б.

Особенности функционирования институтов власти в условиях развития интернета как пространства политических коммуникаций

Ромашкина Альбина Бариевна — аспирант, кафедра государственной политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: albrom@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [4621-6130](https://elibrary.ru/4621-6130)

Аннотация

Статья посвящена определению особенностей влияния развития интернета как пространства политических коммуникаций на функционирование традиционных институтов власти в условиях интенсивного развития современных технологий и форм политической коммуникации. Для достижения поставленной цели в статье были использованы исследования языка и коммуникации Л. Витгенштейна, М. Фуко, постмодернистский анализ Ж. Бодрийяра, а также коммуникативный подход и методы функционального анализа при исследовании влияния коммуникации на функционирование институтов власти. На основе философских и политических коммуникативных исследований и коммуникативного подхода определено значение коммуникации в процессах функционирования институтов власти; выявлена роль «языковых игр» в политической коммуникации, показано значение политического кодирования в процессах установления и легитимации власти, а также влияние «лидеров мнений» и социальной среды на массовое сознание. На основе коммуникативного и сетевого подхода проведен анализ интернета как пространства коммуникационных взаимодействий между различными политическими акторами и между гражданами. Определены риски и угрозы формирования глобальных акторов влияния на политические процессы, выявлена роль сетевых сообществ в политической коммуникации, проведен анализ феномена «разрушения правды» и роли «лидеров мнений» в процессах формирования данного явления. Определены угрозы создания новых форм цифрового тоталитаризма, выявлены факторы дестабилизации политических режимов и потери легитимности власти. Автором сделан вывод о том, что новым вызовом для институтов власти является возникновение новых глобальных субъектов влияния на политические процессы. Результаты исследования также показали, что использование традиционных методов коммуникации для противостояния «разрушению правды» и политическому перекодированию неэффективно, в связи с чем необходима активная репрезентация своей деятельности институтами власти в интернете для сохранения своей легитимности посредством трансляции ценностно-смысловых значений в общественное и индивидуальное сознание.

Ключевые слова

Интернет-коммуникация, политическая коммуникация, институты власти, манипулирование общественным сознанием, политический контроль, новые формы тоталитаризма.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-158-177

Romashkina A.B.

Features of Government Institutions Functioning in the Context of Internet Development as a Space of Political Communications

Albina B. Romashkina — postgraduate student, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: albrom@mail.ru

Abstract

This article is devoted to determining the features of how Internet development as a political communication space influences functioning of traditional government institutions in the context of the intensive development of modern technologies and forms of political communication. To achieve this goal, the article uses the studies of language and communication by L. Wittgenstein, M. Foucault, and the postmodern analysis of J. Baudrillard, as well as the communicative approach and methods of functional analysis in the study of communication impact on functioning of government institutions. On the basis of philosophical and political communicative research and a communicative approach, the importance of communication in the processes of government institutions functioning is determined. The role of “language games” in the processes of political communication is revealed, the importance of political coding in the processes of establishing and legitimizing power is shown, as well as the influence of “opinion leaders” and the social environment in the processes of influencing mass consciousness. Based on the communicative and network approach, the analysis of the Internet as a space of communication interactions between various political actors and between citizens is carried out. The risks and threats of forming global actors of influence on political processes are identified, the role of network communities in political communication is revealed, the analysis of “destruction of truth” phenomenon and the role of “opinion leaders” in the processes of this phenomenon formation is carried out. The threats of creating new forms of digital totalitarianism are identified, the factors of political regimes destabilization and the loss of power legitimacy are identified. The author concludes that a new challenge for the institutions of power is the emergence of new global actors of influence on political processes. The results of the study also showed that the use of traditional methods of communication to counteract the “destruction of truth” and political recoding is ineffective, and therefore it is necessary for government institutions to actively represent their activities on the Internet in order to preserve their legitimacy by translating value-semantic meanings into the public and individual consciousness.

Keywords

Internet communication, political communication, institutions of power, manipulation of public consciousness, political control, new forms of totalitarianism.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-158-177

Введение

Интенсивное развитие современных информационно-коммуникационных технологий, формирование и широкое распространение новых форм и технологий политической коммуникации создают новую среду взаимодействия власти и общества. Институты власти вынуждены адаптировать свои функциональные параметры для эффективной работы в интернет-пространстве. Трансформация функционирования институтов власти с использованием современных технологий коммуникаций имеет разнонаправленный характер. С одной стороны, существуют тенденции совершенствования институтов власти, более эффективного взаимодействия с обществом, внедрения новых элементов форм прямой демократии в интернете,

перераспределения части своих полномочий в пользу общества. С другой стороны, существуют риски утраты легитимности институтов власти из-за активной работы иных политических акторов с целью дестабилизации политических режимов, смены власти на основе распространения деструктивных, экстремистских ценностей по каналам интернет-коммуникации. Институтам власти в таких условиях необходимо обеспечивать информационную и культурную безопасность, что может приводить к формированию новых форм диктатуры из-за усиления контроля над гражданами, а также в связи с усилением манипуляции индивидуальным сознанием пользователей.

Целью настоящего исследования стало выявление и изучение особенностей влияния развития интернета как пространства политических коммуникаций на функционирование институтов власти. Для решения поставленной цели необходимо выявить роль коммуникации в процессах функционирования институтов власти и изучить функционирование институтов власти в условиях формирования нового коммуникационного онлайн-пространства.

В работе используются исследования языка и коммуникации Л. Витгенштейна, М. Фуко, постмодернистский анализ Ж. Бодрийяра, а также коммуникативный подход и методы функционального анализа при исследовании влияния коммуникации на функционирование институтов власти.

Коммуникационная составляющая функционирования институтов власти

Коммуникация на протяжении всего развития общества является важнейшей составляющей его функционирования, поскольку обеспечивает взаимосвязь между его элементами и позволяет различным его структурам эффективно выполнять задачи по обеспечению жизнедеятельности. Властные отношения являются ассиметричными, так как позволяют субъекту воздействовать на других участников социальных отношений так, чтобы его воля была исполнена. Главными ресурсами властных отношений являются принуждение и конструирование смыслов в общественном сознании [Кастельс 2017, 55]. Коммуникация является основой для легитимации принуждения и конструирования смыслов. Изучение коммуникации необходимо при анализе трансформаций, происходящих в политической системе общества и в институтах власти как ее структурных элементах, поскольку изменение принципов и правил коммуникации приводит к формированию новых форматов политического взаимодействия. Хотя политические институты, в том числе и институты власти, определяют направление политического развития, выполняя функцию стабилизации социальных процессов, обеспечивая предсказуемость социальных изменений и регулируя поведение

политических акторов, институты испытывают на себе определенное влияние общества [Ваславский, Габуев 2016] и развития технологий взаимодействия и коммуникации. Концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна, философский анализ коммуникации М. Фуко и Ж. Бодрийяра, а также коммуникативный подход позволяют определить значение коммуникации в политических процессах и функционировании институтов власти.

Л. Витгенштейн рассматривал коммуникативные ситуации как «языковые игры», в каждой из которых существуют свои правила взаимодействия между участниками, что превращает «игру» и коммуникацию в социальный институт [Назарчук 2009, 175–180]. Понять смысл и правила «языковой игры» можно только участникам коммуникации. Сами правила «игры» являются гибкими, но изменение этих правил приводит к изменению самой «игры». По мнению Витгенштейна, неизменность правила не означает невозможность его интерпретации. Гибкость «языковых игр» обеспечивается существованием различных интерпретаций, позволяет существовать различным коммуникативным практикам. С помощью языка осуществляется взаимодействие и взаимопонимание людей [Витгенштейн 1994].

На наш взгляд, теорию Витгенштейна можно применять и сегодня для анализа роли коммуникации в процессах деятельности институтов власти. Институты власти устанавливают одинаковые «правила игры» для различных политических акторов, но разнообразие форм политической коммуникации, существование различных взглядов на одни и те же процессы обеспечиваются наличием собственных интерпретаций этих правил у каждого участника коммуникации. Институты власти воздействуют на массовое сознание с помощью различных средств коммуникации, транслируя населению разнообразную информацию. Однако наличие разных ценностей, взглядов и идеалов у граждан определяет возникновение различных интерпретаций одной и той же информации, поэтому результат коммуникативного действия («языковой игры») не всегда является ожидаемым для институтов власти, что отражается на эффективности их функционирования.

В процессе коммуникации возникают различные дискурсы на основе знаний. М. Фуко считал, что дискурс конструируется властью на основе особых знаний и зависит от целей власти, поэтому в рамках политической коммуникации формируется особая политическая реальность и «дисциплинарное пространство», в которых заложены «правила игры» [Фуко 2004; Фуко 1999]. По мнению Фуко, такой способ выстраивания взаимодействия с обществом позволяет власти организовывать необходимые

коммуникации, не допускать или ограничивать нежелательные, а также выявлять сторонников власти и тех, кто представляет для нее опасность [Федорченко 2017, 47–48]. Транслируя определенные ценности, нормы и идеалы, институты власти «кодируют» информацию, то есть интерпретируют информацию в своих интересах. Это необходимо для осуществления эффективного управления обществом, для легитимации институтов власти и ее решений [Там же]. «Политическое кодирование — это процесс формирования, распространения и закрепления влиятельными группами специфической интерпретации политической реальности (процессов, явлений, ситуаций) в массовом сознании посредством особых политико-коммуникационных кодов» [Там же, 49]. Различие в символах, которые используются при кодировании политическими акторами и декодировании политической информации индивидами, является как причиной неэффективности политической коммуникации, так и фактором снижения взаимодействия между институтами власти и обществом [Соловьев 2002].

Концепция языка и коммуникации Фуко актуальна и для интернет-пространства политических коммуникаций. Правила взаимодействия и смысловые значения в интернет-пространстве устанавливаются не только институтами власти, но и иными акторами, что имеет неоднозначные последствия. Фактическая власть в обществе перераспределяется в пользу владельцев интернет-ресурсов, а институты власти утрачивают часть своих полномочий по управлению общественным сознанием. С одной стороны, институты власти могут ужесточать правила коммуникации в интернете для противодействия деструктивным идеям и дезинформации. С другой стороны, сами институты власти не всегда определяют правила «языковой игры» на различных интернет-ресурсах, а значит, владельцы и руководители этих ресурсов получают законодательную функцию власти, определяя легальность и законность контента самостоятельно [Володенков 2019; Косоруков 2017; Косоруков 2019].

Использование особых знаний, интерпретаций правил коммуникации, кодирование реальности на основе особых символов позволяют создавать в процессе политической коммуникации симулякры. На основе симулякров происходит «разрыв между означаемым и означающим», по мнению Ж. Бодрийера [Бодрийер 2017]. Власть основана на возможности задавать смыслы и значения различным явлениям действительности, поскольку реальность не доступна для людей, а потому институты власти способны самостоятельно формировать представления о реальности в массовом сознании, транслируя определенные коды, то есть симулякры. «Властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем

конструирования смысла через создание образа. Помните: идеи — это образы (визуальные или нет) в нашем мозгу. Для общества в целом, в отличие от конкретного индивида, создание образов разворачивается в сфере общественной коммуникации» [Кастельс 2017, 249].

Развитие средств массовой информации позволяет институтам власти более эффективно использовать коммуникацию как инструмент кодирования политического пространства и формирования общественного мнения с целью управления социальными процессами по определенной траектории. Потенциал влияния традиционных СМИ, основанных на вертикальных формах коммуникации, транслирующих информацию от одного ко многим, по-разному оценивается исследователями. Однако большинство из них отмечают значительную роль СМИ при формировании общественного сознания и манипулировании им, а также возможность их использования институтами власти для искажения социальной реальности с помощью создания различных симулякров в процессе политической коммуникации [Грачев, Евстифеев 2020].

У. Липпман изучал процесс массовой коммуникации как формирование представлений в массовом сознании представлений о «псевдосреде», в которой существуют упрощенные, стереотипизированные образы реального мира [Липпман 2004]. Люди не имеют доступа к реальной среде, а транслируемая СМИ информация искажает окружающий мир в интересах различных социальных и политических акторов. Переживания людей связаны с событиями в «псевдосреде», но их дальнейшие действия отражаются в реальной среде [Грачев, Евстифеев 2020; Липпман 2004]. Знание и возможность использовать информацию по своему усмотрению является важным ресурсом власти [Кастельс 2017]. Институты власти имеют возможность посредством СМИ формировать в сознании граждан «псевдосреду» и влиять на их чувства и эмоции, что позволяет управлять обществом в интересах властвующей элиты, мобилизовать население на те или иные действия либо подавлять негативные настроения в обществе.

О том, как человек воспринимает транслируемую по каналам СМИ информацию, существуют разные позиции исследователей политической коммуникации. Г. Лассуэлд полагал, что политическая пропаганда, осуществляемая институтами власти, обеспечивает сплочение общества [Lasswell 1928]. Другие ученые указывали на существование в сознании людей определенных ценностей, культурных идеалов [Lazarsfeld et al. 1968]. Кроме того, социальная среда, в которой живет человек, предопределяет его восприятие транслируемой информации, а в окружении людей

существуют «лидеры мнений». Их мнение является авторитетным для определенных социальных групп, а потому для восприятия информации важно то, как они интерпретируют информацию. Если транслируемая информация противоречит тем или иным представлениям индивида, то он «блокирует» ее и не воспринимает [Ibid.]. Э. Кац рассматривал процесс восприятия политической информации гражданами как активную деятельность, поэтому, по его мнению, люди ищут подтверждения собственной позиции, если транслируемая информация противоречит ей. Люди самостоятельно интерпретируют сообщения таким образом, чтобы они подкрепляли их собственные взгляды [Katz 1959].

Общим для этих теорий является признание политической коммуникации как процесса трансляции искаженной информации, восприятие которой гражданами может иметь различные последствия. Институты власти как активные субъекты политической коммуникации конструируют симулякры и «псевдосреду» в своих интересах. Развитие информационно-коммуникационных технологий и интернета с его отличительными чертами от традиционных СМИ способствует появлению новых политических акторов, формирующих общественное и индивидуальное сознание посредством конструирования симулякров и «псевдосреды», что усиливает конкуренцию с институтами власти в пространстве политических коммуникаций. «Сегодня господствует новый класс — который владеет не средствами производства, а информацией» [Срничек 2020, 37].

А.И. Соловьев [Соловьев 2002] считает, что классические линейные модели политической коммуникации не отражают весь спектр коммуникаций в сфере политики. Массовая политическая коммуникация с помощью СМИ позволяет политическим акторам оказывать воздействие на общество, но существуют также и межличностные, внутрикорпоративные немассовые формы взаимодействия между различными структурами власти (включая теневые и полутеневые структуры), которые действуют вне массовой политической коммуникации. Учитывать не только общие характеристики массовой коммуникации, но специфические национальные, культурные и ценностные характеристики информационно-коммуникационного пространства необходимо для выстраивания эффективной политической коммуникации. Кроме того, из-за различий кодирования информации, наличия барьеров, разного уровня квалификации сотрудников информационно-коммуникационных структур, специфики информационных действий органов власти различных уровней, роли провластных и независимых СМИ и др. существует несогласованность действий институтов власти и противоречивость в трактовках информации органами власти и гражданами в информационно-коммуникационном пространстве, что имеет негативный эффект при осуществлении коммуникативной функции институтами власти [Соловьев 2002].

Для эффективной политической коммуникации необходимо существование обратной связи между властью и гражданами. М. Дефлер [Defleur 1970] отмечал важность процесса декодирования информации целевыми аудиториями (что, на наш взгляд, подтверждает идею Фуко, что важной задачей власти является кодирование политической информации для эффективного управления). В случае совпадения «кодов» дешифровки первоначальная идея отправителя информации сформируется в идею в сознании целевой аудитории. Либо коммуникация не будет успешной. Кроме того, Дефлер отмечает важность обратной связи, чтобы оценить, была ли достигнута цель коммуникации [Ibid.]. По мнению А.И. Соловьева [Соловьев 2002], не всегда целевая аудитория является активной и отвечает на полученные сообщения, как предполагается в теории Дефлера. Сообщения от политических акторов могут не получать задуманной интерпретации, поскольку индивиды не рассматривают эту информацию как важную лично для них.

Существование механизмов обратной связи в политической коммуникации исследовали Ж.-М. Коттре, К. Синн и Ф. Клайн. Ж.-М. Коттре [Cotteret 1973] отмечал опосредованный характер обратной связи, осуществляемой в процессе выборов и референдумов, а также через различные политические и неполитические организации, на которые влияют и органы власти, и граждане и которые одновременно осуществляют воздействие на индивидов. В отличие от Коттре, К. Синн и Ф. Клайн [Siune, Kline 1975] рассматривали политическую коммуникацию как непрерывный информационный обмен с непосредственной обратной связью, в котором органы власти и политические акторы конструируют и транслируют информацию, подкрепляющую их легитимность, самостоятельно и по каналам массовой коммуникации, получая неопосредованную обратную связь.

В процессе своего функционирования институтам власти необходимо не только оценивать сигналы, которые идут от общества, но и само качество обратной связи. Необходимо не только транслировать информацию, но и использовать те коды и контекст, которые являются актуальными и понятными для граждан, а также оценивать уровень политической культуры, степень восприятия политической информации целевыми аудиториями, чтобы политическая коммуникация была эффективной. Смысловой разрыв между институтами власти и гражданами приводит к аполитичности граждан, формированию протестной активности иными политическими акторами, недоверию к принимаемым решениям и делигитимации власти.

Функционирование институтов власти в условиях технологического развития интернета как пространства политических коммуникаций

Изучение интернета представителями разных социально-гуманитарных наук связано с интенсивным технологическим развитием интернет-коммуникации, внедрением новых механизмов взаимодействия между пользователями, формированием нового пространства коммуникаций как сети. Исследователи выявляют новые характеристики интернета как пространства коммуникаций и связанные с ними угрозы для социальной и политической сфер общественной жизни, а значит, требуется трансформация функционирования институтов власти для сохранения их эффективности и легитимности [Косоруков, Котлярова 2018]. Коммуникативный и сетевой подходы позволяют анализировать интернет как пространство, в котором происходят различные коммуникационные взаимодействия между политическими акторами, а также между гражданами. Кроме того, адаптация некоторых классических теорий политической коммуникации даст возможность выявить некоторые черты политической интернет-коммуникации и связанные с ними риски и угрозы для институтов власти и общества.

Коммуникация в интернете основана на горизонтальных связях и в интерактивной форме «от многих к одному». М. Кастельс характеризует интернет-коммуникацию как массовую самокоммуникацию [Кастельс 2017], а современное общество как сетевое, в котором существует много каналов связи, переносящих потоки информации [Там же, 102]. Горизонтальная коммуникация, по мнению Кастельса, становится более эффективной в сетевом обществе в связи с развитием интернета, поскольку он преодолевает пространственно-временные барьеры (трансграничность и экстерриториальность) [Там же]. Трансграничность интернет-пространства позволяет проводить различные информационные кампании в политике. «Трансграничный характер сетевой онлайн-среды обуславливает возможность различных в том числе внешних влияний на механизмы легитимации и делегитимации власти, придавая им новое измерение, выходящее за пределы национального государства» [Михайленок, Малышева 2019b, 83].

И, хотя интернет-пространство является глобальным, исследователи отмечают возможность формирования не только наднациональных виртуальных сообществ, основанных на общности интересов, но и национальных, локальных, в которых отражаются особенности политических режимов, культуры и сознания этих государств и регионов [Михайленок, Малышева 2019а; Артамонова, Володенков 2021]. В интернете пользователи сегментируются на основе различных взглядов и представлений, поэтому

локальные сообщества становятся важным субъектом формирования общественного мнения [Косоруков, Котлярова 2018]. «Именно локальные сетевые сообщества в обозримой перспективе могут оказаться мощными драйверами политических трансформаций, борьба за контроль над ними может стать одним из основных направлений цифровой политики современных государств в ближайшее время» [Артамонова, Володенков 2021, 92].

Важное значение в локальных сообществах играют «лидеры мнений» — блогеры, руководители групп/сообществ, формирующие контент и являющиеся интерпретаторами информации [Там же]. Теория Лазарсфельда о роли «лидеров мнений» в малых сообществах [Lazarsfeld et al. 1968] может быть адаптирована к анализу локальных интернет-сообществ. «Лидеры мнений» в интернет-пространстве пользуются авторитетом и доверием у их подписчиков, отбирают информацию (из различных источников, включая традиционные СМИ), которая, по их мнению, имеет значение, интерпретируют ее, дают оценку тем или иным событиям и процессам, то есть «опосредуют массовую коммуникацию по двухступенчатой схеме: сведения ... вначале воспринимаются лидерами мнений, а уже от них поступают к менее активным слоям населения» [Грачев 2018, 32].

«Лидеры мнений» могут осуществлять политическое перекодирование, то есть «процесс изменения, дискредитации и уничтожения влиятельными группами прежней общепризнанной интерпретации политического универсума» [Федорченко 2017, 49]. Это является угрозой потери легитимности институтами власти. Процесс перекодирования политической реальности «онлайн-лидерами мнений» можно оценивать и с точки зрения теории М. Фуко. Поскольку он рассматривал одним из важнейших признаков власти возможность задавать смыслы и значения, в интернет-пространстве власть не всегда может выполнять эту функцию, а значит, в онлайн-среде властвовать начинают «лидеры мнений», которые осуществляют политическое кодирование и перекодирование.

Применение интернет-технологий в политической сфере имеет неоднозначные последствия. Внедрение новых элементов прямой демократии на основе информационно-коммуникационных технологий (например, создание сайтов для формирования законодательных инициатив гражданами, краудсорсинг, онлайн-подача петиций и др.) способствует демократизации политической деятельности институтов власти, если они обеспечат возможность диалога с обществом в различных форматах, открытость, подотчетность, восприимчивость сигналов от общества посредством интерактивной политической коммуникации. [Грачев 2012; Михайленок, Малышева 2019b].

Однако стоит остерегаться «излишнего технооптимизма, так как новые и новейшие технологии в условиях упадка институтов гражданского общества и государственных институтов способны скорее обострить социальное неравенство и политические конфликты, чем смягчить их» [Пантин, Лапкин 2018, 54]. Одной из угроз интенсивного развития современных информационно-коммуникационных технологий является трансформация интернета из свободного открытого пространства коммуникаций в среду, управляемую небольшой группой акторов — «цифровой элитой», которая контролирует сам процесс онлайн-коммуникации, инфраструктуру, информационные потоки и весь массив пользовательских данных (Big Data) [Володенков 2019].

Участники сетевых сообществ, взаимодействуя друг с другом на основе горизонтальных коммуникаций, стремятся избегать конфликтов, по мнению С. Коуэна и Д. Балдассари, поэтому могут скрывать свои взгляды и мысли от других пользователей в процессе коммуникации, которые не согласны с такими идеями, что придает сообществам идейную гомогенность и не позволяет развиваться политическому дискурсу [Михайленок, Малышева 2019а; Cowan, Baldassari 2018]. «Такая избирательность сетевого общения, вызванная стремлением минимизировать конфликты на политическом микроуровне, парадоксальным образом приводит к тому, что усугубляются коммуникативный вакуум и идейно-ценностное размежевание на макроуровне политики, повышая градус конфликтности в масштабах всего общества» [Михайленок, Малышева 2019а, 83].

На наш взгляд, это является важным фактором для институтов власти при планировании своей деятельности, поскольку повышение протестных настроений в обществе при кажущемся спокойствии в сетевых сообществах может повышаться, что является угрозой для стабильности политического режима. Однако отсутствие политического дискурса в сетевых сообществах может свидетельствовать и о формировании новой формы тоталитаризма. Институты власти, владельцы интернет-ресурсов и руководители сообществ имеют механизмы выявления лояльных к власти и оппозиционно настроенных пользователей на основе технологий Big Data. Пользователи могут бояться проявлять протестные настроения из-за опасений санкций со стороны институтов власти; на оппозиционных интернет-ресурсах пользователи из-за опасения конфликтов и блокировок не будут выражать мнение, поддерживающее действующую власть, и т.д. Это создает условия для формирования цифрового тоталитаризма. Кроме того, тоталитаризм в цифровом пространстве может быть установлен разными

субъектами: институтами власти на основе угрозы применения мер государственного принуждения, владельцами интернет-ресурсов на основе угрозы блокировки и исключения пользователя из коммуникативного пространства либо и институтами власти, и владельцами интернет-ресурсов в различном сочетании (включая ситуации и их сотрудничества, и их конфликтов).

Интернет, как и традиционные СМИ, позволяет формировать псевдореальность. Но если СМИ контролируют какую-то часть массового сознания, то с помощью интернет-технологий возможно создать условия для манипуляции миллиардами пользователей по всему миру и контроля за ними на основе воздействия на сознание каждого индивида, поскольку информация в интернете является персонифицированной и таргетированной. Интернет-платформы, которые становятся монополистами в сети (например, Google, Facebook, Twitter, YouTube и др.), имеют достаточно ресурсов и возможностей для «формирования моделей восприятия политической реальности и моделей поведения, основанных на анализе личных данных и персональной сетевой активности конкретных пользователей и сообществ» [Володенков 2019, 384]. Теория Липпмана может быть адаптирована к анализу характеристик интернета как пространства массовых коммуникаций. Формирование в интернете глобальных монополистов способствует формированию глобальной пропаганды. У. Липпман указывал, что эффективность управления общественным мнением со стороны СМИ связана с тем, что у простых граждан отсутствует доступ к альтернативной информации [Липпман 2004]. Монополизация интернет-пространства создает условия для формирования глобальных пропагандистов, которые заинтересованы в перераспределении функции институтов власти по управлению обществом и индивидами в своих интересах.

Персональные данные пользователей и информация об их субъективном восприятии мира доступны глобальным интернет-платформам. Они используют эту информацию для определения психотипа каждого индивида, на основе чего формируется индивидуальный персонализированный контент в предпочтительных для человека форматах, что позволяет формировать его мировоззрение, ценности и управлять его поведением. Технологии «мягкой силы», которые раньше использовались для управления и манипуляции общественным сознанием, теперь могут быть применены в интернет-пространстве для каждого индивида [Володенков 2019; Косоруков, Котлярова 2018]. «Компьютерные программы анализируют поведение пользователей и подбирают для них релевантный контент, тем самым форматируя взгляды и

предпочтения миллионов людей в интернете. Алгоритмы поисковых систем приобретают роль социального и политического регулятора» [Михайленок, Малышева 2019а, 82], то есть выполняют функции институтов власти, устанавливая правила коммуникации.

Формируемая в интернете псевдореальность основана на том, что владельцы онлайн-ресурсов, блогеры, руководители/модераторы групп самостоятельно отбирают контент, публикуют не только объективные данные, но и собственные интерпретации этих данных (или те трактовки, которые, с их точки зрения, правильные), что не позволяет установить разницу между фактом и оценкой/мнением. Кроме того, рост объема информации в интернете связан не только с увеличением объема достоверной информации, но и с тем, что активно распространяются личные позиции различных участников онлайн-коммуникации, что отражается на восприятии фактов простыми пользователями [Kavanagh et al. 2019]. Горизонтальные коммуникации повышают уровень доверия к интернет-источникам, информация на которых распространяется «простыми людьми», не заинтересованными в фальсификации информации, а доверие к традиционным СМИ, которые прежде считались авторитетными, наоборот, понижается. В этих условиях исследователи выявляют феномен «разрушения правды», «постправды» и «фейковых новостей» [Грачев, Евстифеев 2020; Kavanagh, Rich 2018]. «Социальная и политическая коммуникация в наши дни разворачивается в контексте постфактичности, когда роль и влияние объективных фактов в общественном мнении минимизированы и полностью вторичны по отношению к информационному продукту — их предлагаемым интерпретациям» [Михайленок, Малышева 2019а, 84].

На наш взгляд, институтам власти необходима эффективная репрезентация своей деятельности в интернет-среде для сохранения своей легитимности. В условиях «разрушения правды» граждане утрачивают доверие к деятельности различных социальных институтов, включая институты власти, и к информации, которую они распространяют, даже если она является объективной и достоверной. Функционирование институтов власти по консолидации общества осложняется в такой среде, поскольку нарастает «поляризация мнений и конфронтационные споры в сетевом пространстве по поводу наиболее острых проблем современного общества и путей их решения» [Грачев, Евстифеев 2020, 231] без опоры на фактическую информацию, а на основе эмоциональных и нерациональных составляющих, мнений и оценок [Burgess, Burgess 2011; Kirkham 1992; Künne 2003; Манойло, Попадюк 2020].

Исследователи также считают, что процесс «разрушения правды» связан с особенностями восприятия информации людьми, а именно с субъективной предвзятостью — поиском информации, подтверждающей убеждения и мнение человека, основанной на его прежнем опыте, воспитании и т.д. [Грачев, Евстифеев 2020; Kavanagh, Rich 2018], что, на наш взгляд, подтверждает актуальность теории Каца для анализа интернет-коммуникации. Персонализация информации на основе психологических особенностей индивидов позволяет сетевым сообществам эффективно находить целевую аудиторию, а значит, привлекать новых участников и подписчиков. Некоторые эксперты отмечают, что «наиболее легко в сетевые сообщества объединяются носители радикальных и экстремистских идей» [Артамонова, Володенков 2021, 94].

Исследование тенденций развития интернета как пространства политических коммуникаций связано не только с необходимостью теоретического осмысления данной проблематики, но и с практической составляющей функционирования институтов власти, которые испытывают давление новых субъектов политической коммуникации, в том числе и глобальных, сталкиваются с феноменом «разрушения правды» и необходимостью отстаивать истину, а также находятся в условиях угрозы потери легитимности и дестабилизации политических режимов.

Заключение

Таким образом, институты власти в условиях интенсивного технологического развития интернет-пространства сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, связанными не только с перераспределением власти между различными политическими акторами, но и с возникновением новых глобальных субъектов влияния на политические процессы.

Сохранение легитимности в условиях «разрушения правды» становится одной из важнейших задач для институтов власти, так как потеря доверия со стороны общества приведет к потере контроля над обществом и политическими процессами. Эффективно противостоять разрушению ценностей, культурных и политических кодов, не допустить политического перекодирования со стороны новых «лидеров мнения» невозможно на основе применения исключительно традиционных методов коммуникации. Институтам власти необходимо осуществлять деятельность по исследованию ценностных ориентаций различных групп населения, выявлению типов символизации, на основе которой происходит политическое кодирование гражданами, применению различных технологических способов персонализированной трансляции информации с учетом

особенностей восприятия информации индивидами. Мы полагаем, что такая деятельность институтов власти обеспечит эффективное выполнение ими коммуникативной функции и задач по защите ценностно-смысловых категорий.

Учет особенностей и потенциала интернет-технологий при выстраивании политической коммуникации является необходимым условием информационно-коммуникационной деятельности институтов власти, для чего требуется не просто их формальное присутствие в онлайн-пространстве, но активное участие в коммуникативных процессах и трансляции ценностно-смысловых значений в общественное сознание, а также индивидуальное сознание граждан. Внедрение ценностных категорий, важных для институтов власти, в сознание граждан необходимо осуществлять на основе тех же типов символизации и кодирования, на которых осуществляется дешифровка информации целевыми аудиториями. Несовпадение «кодов» шифрования информации приводит не только к отсутствию ожидаемой реакции на коммуникативные действия, но и к возможности искаженного, прямо противоположного задуманному восприятия информации, что может привести к усилению протестной активности, дестабилизации политической системы, делигитимации власти и ее решений.

Список литературы:

- Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 87–97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2017.
- Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО. 2016. № 6(51). С. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75>.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гносис, 1994. С. 165–409.
- Володенков С.В. Глобальные «гибридные» акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 3. С. 383–391.

Грачев М.Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 200–208.

Грачев М.Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX – начало XXI вв.) // Российская школа связей с общественностью. 2018. № 11. С. 25–40.

Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-12>.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Косоруков А.А. Гражданское общество в условиях становления виртуальной публичной сферы // Политика и общество. 2017. № 12. С. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.12.22581.

Косоруков А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. М.: МАКС Пресс, 2019.

Косоруков А.А., Котлярова Т.Ю. Информационно-коммуникационные технологии как фактор трансформации публичной сферы современного общества // Тренды и управление. 2018. № 4. С. 88–96. DOI: 10.7256/2454-0730.2018.4.23005.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Манойло А.В., Попадюк А.Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и современный мир. 2020. № 2(107). С. 285–300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17.

Михайленок О.М., Мальшева Г.А. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019а. № 3(60). С. 79–87.

Михайленок О.М., Мальшева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019б. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.

Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04>.

Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 5–18.

DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Федорченко С.Н. Политическое кодирование: постановка проблемы и компаративистика коммуникационных технологий управления массовым сознанием // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 3. С. 44–78.

Фуко М. Археология знания. СПб.: «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

Burgess A., Burgess J. Truth. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2011.

Cotteret J.M. Gouvernants et gouvernes: La communication politique. Paris: Presses universitaires de France, 1973.

Cowan S., Baldassarri D. “It Could Turn Ugly”: Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception // Social Networks. 2018. Vol. 52. P. 1–17.

DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.04.002>.

Defleur M. Theory of Mass Communication. N.Y.: McKay, 1970.

Katz E. Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for this Journal // Studies in Public Communication. 1959. Vol. 2. P. 1–6.

Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and across Media Platforms. Santa Monica, California: RAND Corporation, 2019.

Kavanagh J., Rich M.D Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life. Santa Monica, California: RAND Corporation, 2018.

Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992.

Künne W. Conception of Truth. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Lasswell H.D. The Function of the Propagandist // International Journal of Ethics, 1928. Vol. 38. No. 3. P. 258–268.

Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People’s Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 1968.

Siune K., Kline P.G. Mass Communication, Mass Political Behavior and Mass Society // Political Communication Issues and Strategies for Research. Chaffee S.H. (ed.) Beverly Hills, CA: Sage, 1975. P. 65–84.

Дата поступления: 30.03.2021

References:

- Artamonova Ju.D., Volodenkov S.V. (2021) Transformation of the Internet as a Space of Public and Political Communications: From Globalization to Glocalization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 87–97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2.
- Baudrillard J. (2017) *Simulacres et simulation*. Moscow: Postum.
- Burgess A., Burgess J. (2011) *Truth*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Castells M. (2017) *Communication Power*. Moscow: Izd.dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Cotteret J.M. (1973) *Gouvernants et gouvernes: La communication politique*. Paris: Presses universitaires de France.
- Cowan S., Baldassarri D. (2018) “It Could Turn Ugly”: Selective Disclosure of Political Views and Biased Network Perception. *Social Networks*. Vol. 52. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.04.002>.
- Defleur M. (1970) *Theory of Mass Communication*. N.Y.: McKAY.
- Fedorchenko S.N. (2017) Political Coding: The Problem and Comparative Studies of Communication Technologies Management of Mass Consciousness. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. Vol. 1. No. 3. P. 44–78.
- Foucault P.-M. (1999) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*. Moscow: «Ad Marginem».
- Foucault P.-M. (2004) *Archéologie du Savoir*. Saint Petersburg: «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga.
- Grachev M.N. (2012) «Elektronnaya demokratiya» ili «konets demokratii»? [“Electronic democracy” or “the end of democracy”?]. *Vlast' i politika: institutsional'nyye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2012*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). P. 200–208.
- Grachev M.N. (2018) The Transformation of the Models of the Effective Information Impact on the Mass Audience (from the First Half of the 20th c. to the Beginning of the 21st c.). *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu*. No. 11. P. 25–40.
- Grachev M.N., Evstifeev R.V. (2020) The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review). *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, parvo*. Vol. 13. No. 2. P. 229–248. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-12>.
- Katz E. (1959) Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for this Journal. *Studies in Public Communication*. Vol. 2. P. 1–6.
- Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. (2019) *News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and across Media Platforms*. Santa Monica, California: RAND Corporation.

- Kavanagh J., Rich M.D (2018) *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*. Santa Monica, California: RAND Corporation.
- Kirkham R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Kosorukov A.A. (2017) *Civil Society in the Conditions of Establishment of the Virtual Public Sphere*. *Politika i obshchestvo*. No. 12. P. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.12.22581.
- Kosorukov A.A. (2019) *Publichnaya sfera i tsifrovoye upravleniye sovremennym gosudarstvom* [Public sphere and digital management of the modern state]. Moscow: MAKS Press.
- Kosorukov A.A., Kotlyarova T.Yu. (2019) Information and Communication Technologies as a Transformative Factor of Public Sphere of the Modern Society. *Trendy i upravleniye*. No. 4. P. 88–96. DOI: 10.7256/2454-0730.2018.4.23005.
- Künne W. (2003) *Conception of Truth*. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press.
- Lasswell H.D. (1928) The Function of the Propagandist. *International Journal of Ethics*. Vol. 38. No. 3. P. 258–268.
- Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. (1968) *The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. Third edition. N.Y.: Columbia University Press.
- Lippman W. (2004) *Public Opinion*. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye».
- Manoylo A.V., Popadiuk A.E. (2020) Foreign Scientific Approaches to the Study of “Fake News” in World Politics. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 2(107). P. 285–300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17.
- Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A. (2019a) Political Relations in the Digital Networkscontext. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. No. 3(60). P. 79–87.
- Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A. (2019b) Political Effects of Social Networks in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 2. P. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.
- Nazarchuk A.V. (2009) *Teoriya kommunikatsii v sovremennoy filosofii* [The theory of communication in modern philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Pantin V.I., Lapkin V.V. (2018) Transforming of Political Spaces: Toward Polycentric World Order. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 6. P. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04>.
- Siune K., Kline P.G. (1975) Mass Communication, Mass Political Behavior and Mass Society. In: Chaffee S.H. (ed.) *Political Communication Issues and Strategies for Research*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 65–84.

Solovyov A.I. (2002) Political Communication: To the Problem of Theoretical Identification. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 5–18.

DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Srnicek N. (2020) *Platform Capitalism*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Vaslavskiy Y.I., Gabuev S.V. (2016) Noe-Institutional Approach to the Study of Electronic Government. *Vestnik MGIMO*. No. 6(51). P. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75>.

Volodenkov S.V. (2019) Global “Hybrid” Actors of Information Interference in the Contemporary Political Processes. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 15. No. 3. P. 61–69.

Wittgenstein L. (1994) *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical investigations]. *Filosofskie raboty*. Part 1. Moscow.: Gnosis. P. 165–409.

Received: 30.03.2021